

ВИКИНГИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

НИКОЛАЙ БАХРОШИН

ЗАКЛЯТИЕ
ВОЛХВОВ

Николай Александрович Бахрошин
Викинги. Заклятие волхвов
Серия «Викинги. Исторический сериал», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707114
Бахрошин Н. А. ВИКИНГИ. Заклятие волхвов : Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67963-8

Аннотация

Поклонникам исторического телесериала «VIKINGS», удостоенного рекордных рейтингов и восторженных отзывов зрителей. НОВЫЙ роман о великой эпохе викингов, чьи пропахшие железом и кровью боевые корабли-драккары наводили ужас на всю Европу. Славянский отрок, взятый варягами в плен во время набега, вырастает в грозного воина и прославленного скальда, чьи песни передают из уст в уста от свейских фиордов до Гардарики, а неотразимый меч отправил в Вальгаллу столько героев, что Валькирии выбились из сил, а на пиру у Одина уже не хватает мест.

Что хранит Скальда в кровавом раю сражений? Кто ведет его от победы к победе? Норманнские асы – или славянские боги? Молот Тора – или Перунов коловрат? Жертвоприношения варяжских жрецов – или закливание славянских волхвов, оберегающее от зла? Сможет ли он забыть свою потерянную Родину, родной язык, лицо матери – или пожертвует всем, даже бессмертием, лишь бы вернуться домой?

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	12
3	21
4	25
Глава 2	28
1	28
2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Бахрошин

Викинги. Заклятие волхвов

© Бахрошин Н., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1

Время драконов

*Руны победы,
Коль ты к ней
стремишься, —
Вырежи их
На меча рукояти
И дважды пометь
Именем Тюра!*

Песнь Сигдривы. X в. н. э.

1

– Вставай, Рорик. Пора... Вставай, сынок, просыпайся...

Ярл Рорик Неистовый чувствовал сквозь сон, как его трясут за плечо, слышал голос старого Якоба. Но выныривать из теплого, затягивающего омота сна не хотелось. Еще несколько мгновений он боролся с собой, лежа с закрытыми глазами. Потом рывком поднялся и сел на кровати.

– Да, Якоб, я слышу...

– Пора, Рорик! – повторил старик.

Якоб-скальд был уже собран и облачен в воинские доспехи. Щит за спиной, меч на поясе, кольчуга, шлем, наручи, поножи. Словно собрался в далекий поход. Впрочем, и правда поход... Кто знает, как далек путь до небесных чертогов Одина-Всеотца?

Посматривая на своего бывшего дядьку, Рорик в очередной раз мысленно охнул, удивляясь, как тот сдал за последнее время. Не просто ссутулился и согнулся по-стариковски – ссохся, как лист по осени. Его старая кольчуга провисала теперь просторными складками, а наручи и поножи будто делались на другого бойца, с руками и ногами в два раза толще.

Грудная болезнь мучила старика уже давно, но этой зимой стало совсем худо. Порой он всю ночь не мог спать, надсадно кашляя и отхаркиваясь сгустками крови. Последнее время Якоб почти не выходил из дома, жалуясь на знобкий холод и постоянные боли в груди. Мол, уже не только ходить – и лежать больно, и дышать.

Что ж, значит, пора...

Отжил свое старый воин...

Плохой был скальд, но умелый кормчий, знающий все течения и мели на побережье, как хороший хозяин знает собственные закрома. И заботливый дядька-наставник, подумал Рорик, лучше и желать нельзя... Ведь именно он, Якоб-скальд, побратим отца Рагнара Большая Секира, прежнего владельца вод и земель Ранг-фиорда, воспитал из них воинов и повелителей. Из него, ярла Рорика, прозванного Неистовым, и из брата Альва, предательски убитого Съевнармом Складным, бывшим рабом из страны Гардарики. Пусть Альв не стал таким прославленным воином, как он сам, ярл и морской конунг, но – видят боги! – как все-таки не хватает брата...

И отца уже нет, и Альва нет, и теперь дядька уходит...

Неожиданно мелькнула злая мысль, что старый зря поднял его, едва забрезжил рассвет. Торопиться-то некуда, бессмертный Один в своем дворце может и подождать будущего эйн-

хирия, нового воина рати мертвых героев. Но он отогнал ее – не к месту сейчас показывать свое раздражение.

Ярл молча встал, быстро натянул одежду из толстой шерсти, накинул кольчугу, подпоясался поясом с мечом. Щит на ремне – за спину, кованый шлем – на голову привычной тяжестью. Воины уходят в последний путь с оружием и в доспехах, и провожать их положено так же, словно собираясь на битву...

Пора!

В огромном, в двести шагов, доме Рорика было почти темно. Немного света давал большой каменный очаг (человек пройдет не сгибаясь), где тлели красным наложенные с вечера поленья. От очага струились чуть заметные токи тепла, но все-таки в доме было холодно-вато. Все спали, ратники дружины – на нарах, вытянувшись вдоль стен, женщины, дети – в своих закутках, отгороженных от нескромных взглядов дощатыми перегородками. Тихо, сонно, лишь слышны всхрапы и разноголосое невнятное бормотание.

Вчерашний пир, где чествовали заслуги Якоба-скальда, прощаясь со стариком, всех обитателей большого дома уложил вповалку – и старых, и малых, и воинов, и женщин. Он, Рорик, тоже выпил вчера крепкого пива больше обычного. От этого голова, как разошедшаяся на жару бочонок, – кажется, вот сейчас треснет...

Пробираясь за дядькой к выходу мимо длинного, не убранного с вечера стола с обедками и опивками (брат Альв не допустил бы такой бесхозяйственности, хоть за полночь, но заставил бы рабов убрать и выскоблить стол!), ярл Рорик бросил взгляд за одну из перегородок. Пусть быстро, но успел заметить сквозь полумрак разметавшиеся по подушке густые, золотистые пряди Сангриль, вдовы покойного брата.

Синеглазая красавица, что становится с каждым днем все краше...

При мысли о ней мужское естество шевельнулось, и Рорик поспешил отвернуться. Тоже – не время...

Они вышли через тесаную дверь, плотно сбитую железными скобами. Рорик пришлось пригнуть голову в высоком шлеме. Старик уже не нужно было нагибаться, без того согнут.

На дворе, уютно забеленном снегом, было заметно светлее, но и холоднее; морозный ветер с пряным привкусом моря игривым щенком облизал лицо, зябкими пальцами проник под одежду. Рорик, зачерпнув пригоршню чистого снега, жадно ел его, размачивая сухое горло.

Старик, медленно шагая по скрипучему снегу, неторопливо оглядывал просторный двор, утопанный множеством ног, серые сараи, амбары, хижинки для рабов – все хозяйственные мелочи, ставшие уже привычными глазу. Наверное, вспоминал что-то. Прощался, понимал Рорик.

Он не торопил дядьку. Не мешал старому. Когда тот, наконец, двинулся со двора, пошел сзади, след в след. Сдерживал свою обычную стремительность, приноравливаясь к трудной, шаркающей походке старого воина.

Они шли молча. А что говорить? Для разговоров была целая жизнь. Долгая жизнь воина, морехода и скальда. Теперь – смерть. Она любит тишину и покой...

* * *

На склоне Дозорной Башни, самой высокой прибрежной горы в окрестностях Ранг-фиорда, ветер особенно разгулялся: рвал и трепал волосы и одежду, словно разлившийся на путников. Чувствовалось, что вот-вот пойдет снег, серо-свинцовые тучи сгустились уже до самого горизонта. И море казалось таким же серым, будто насупилось. Мелкие, частые всплески волн – как острые зубы.

Плохой ветер для мореходства, слишком порывистый, думал Рорик, чтоб занять мысли. И волна плохая. На такой злой волне даже тяжелые, устойчивые драккары начинают рыскать, крениться набок и черпать бортами.

Рорик вдруг сообразил, что старого Якоба может продуть на таком холодном ветру. Как прохватило его по осени, когда тот до полдня хлопотал у ноктаунов – корабельных сараев, – а потом много дней вообще не вставал с лежанки.

Хотя, нет, не продует, тут же понял ярл. Болезнь уже не успеет. Не важно, продует его или нет, – теперь все равно...

Думать так самому показалось странным. Только представить – еще осенью Якоб-скальд мог выйти в море на боевом корабле, твердо держа тяжелое кормовое весло костистой рукой. А сейчас – привычную тяжесть меча и щита несет с большими трудами, видел Рорик. Да, быстро обглодала его грудная болезнь! Так же быстро, наверное, как голодная собака обгладывает кость...

До вершины горы они добирались долго. Будь Рорик один, мог бы уже несколько раз подняться и спуститься, но дядька шагал все медленнее и медленнее, часто присаживался отдохнуть на камнях. Рорику приходилось подолгу стоять рядом с ним, слушать монотонную песню ветра и запаленные хрипы Якоба. Несколько раз старик принимался кашлять и долго не мог успокоиться, отплевываясь кровяными сгустками. Губы от этого становились красными, будто подкрашенными. А лицо оставалось бледным, словно пеплом подернутым.

Ярко-красные губы на изможденном, бледном лице с свалившимися глазами – чудно видеть...

Потом дядька вставал, и они опять шли. Рорик чуть было не предложил Якобу понести его оружие. Хорошо, вовремя спохватился, удержал на языке обидное. Старик хоть и выглядел слабым, все равно не заслужил подобного оскорбления. Каждый воин сам носит свое оружие? пока живой, да и в смерти не расстаётся с ним.

Когда они, наконец, взошли на вершину, Якоб сразу опустил на заледеневшие камни. Отвернувшись, долго вглядывался в морскую даль, скользил глазами по низкому, свинцовому небу, по прибрежным склонам, где из-под белого покрывала выглядывала хвойная зелень. Как будто напоминала о том, что великан Виндлони, Хозяин Зимы, тоже пришел не на век. Пройдет еще немного времени, и он отправится обратно на север, взвалив на широкое плечо свой ледяной топор, замораживающий все живое...

Рорик терпеливо ждал.

– Я прожил хорошую жизнь, – сказал, наконец, старик.

– Да, Якоб.

– Приятно умирать, когда видишь море и небо...

– Да, Якоб.

– Ладонь на рукояти меча, привкус соли и ветра на губах – что еще нужно воину и морскому бродяге?

Старый вдруг оглянулся, и конунг с удивлением увидел, что глаза у дядьки стали почти веселые. Как когда-то. Словно помолодели разом. И лицо снова порозовело, и морщины разгладились, и давний шрам, заметно поблекший в последнее время, отчетливо проступил на щеке.

Будто встав одной ногой на путь в тот, небесный мир, старый опять начал обретать былую силу и молодость, подумал ярл. Вот, оказывается, как бывает...

– Да, Якоб, – повторил ярл, не находя других слов.

Они опять помолчали.

– Я бы еще пожил, но уж слишком болит внутри, – дядька словно оправдывался. – Точит и точит болью даже во сне. Надоело!

– Счастлив тот, кто сам выбирает себе достойную смерть! – ответил Рорик не без торжественности.

И тут же подумал, что зря сказал. Лишнее. Якоб, решаясь на свой последний шаг, наверняка знает это лучше, чем кто-нибудь.

А счастлив ли? Кто знает...

– Привкус соли и ветра на губах, – задумчиво повторил старик. – В этих словах есть поэзия...

– Это так, – подтвердил ярл, хотя и не совсем понял.

– Спасибо, что проводил меня в последний путь, Рорик. Ты был мне как сын, и ты был хорошим сыном. Встретив в Асгарде твоего отца Рагнара, я расскажу об этом.

– Мне будет не хватать тебя, Якоб.

– Не жалею обо мне.

Рорик неопределенно мотнул головой.

Старик неожиданно легко поднялся с камней. Почти вскочил, быстро, одним рывком, как в прежние годы. «А ведь только что поднимался тяжело, с хрипом, с клекотом, опираясь всем телом на меч, – снова удивился Рорик. – Точно – помолодел разом!»

Сила смерти?

Таким же ловкими, быстрыми движениями Якоб накинул на руку круглый красный щит с рунами победы, крупно вычерченными черной краской, обнажил тусклое жало меча. Так, изготовившись к последней битве, опять смотрел вдаль, отвернувшись от своего воспитанника.

– Вот что я хочу сказать тебе напоследок, Рорик, сын мой... – начал он, все еще не оборачиваясь. – Я много думал последнее время, лежал и думал... Ты знаешь, у меня было достаточно времени, чтобы задуматься о прожитой жизни... Жизнь промелькнула чайкой над текучей волной, хотя когда-то казалась почти необъятной... Но я не об этом, ты еще слишком молод, ярл, чтобы терпеливо выслушивать скрипучие сетования стариков. Просто я думал, как неравно складываются людские судьбы. Одни вроде бы легко, играючи, получают все сразу – силу, богатство, власть, славу... Все, чего хотят! А другие, тоже умные, сильные, до смерти тащат ярмо мелочных забот и, в конце концов, рады миске горячей похлебки... Я думаю, Рорик, что боги все-таки улыбнулись тебе и мне, сделав воинами, наделив силой и властью! Подарили нам, как награду, бесконечную дорогу викинга!

– Это так, – подтвердил Рорик.

– И еще я думал – можно ли хотеть большего, когда судьба и без того одарила тебя? – Якоб все-таки повернулся к нему, смотрел прямо: – Твой отец и мой побратим Рагнар, великий воин, захотел и погиб... Не потому ли? Я так и не смог ответить... Но я опять не об этом... Вот что я еще понял, Рорик, сын мой, – кроме тех, кто просто одарен судьбой, существуют и другие люди, особо отмеченные богами... Те, которые, кажется, стоят даже над самой судьбой... Такие есть, хотя их немного, конечно. И бороться с ними – все равно что выступать против воли богов...

– К чему это ты ведешь?

– К тому, что твой враг, Сьевнар Складный, из таких людей, он – из избранных... Не знаю, понятно ли я говорю, но сам-то я хорошо понимаю... Клянусь единственным глазом Одина, я не знаю, почему боги избрали именно его! Но это так!

Ярл рассерженно вскинул голову. Не ожидал, что дядька заговорит о Сьевнаре. Но – сдержался, ничего не ответил.

– Спросишь, зачем я вспомнил Сьевнара Складного? – продолжал Якоб, не замечая или не желая замечать гнева воспитанника. – Потому что ты дорог мне, как дорог может быть родной сын. Только поэтому! Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь сложил голову в погоне за мстостью. Ты – знаменитый ярл, конунг и воин, у тебя впереди еще много подвигов и свер-

шений. Иди же своим путем, и пусть ваши дороги больше не пересекаются! Ты понимаешь меня? – он скользнул внимательным взглядом по сжатым губам и окаменевшим скулам Рорика.

Тот лишь злобно сопел в ответ...

* * *

Семилетнего мальчишку со смешным именем Любенья, сына словенской пророчицы Сельги Видящей, дружина Рорика подхватила, возвращаясь из Гардарики. Ярл, тогда еще совсем молодой, решил сделать из мальчишки раба. В отместку Сельге, что когда-то погубила отца Рагнара своим лесным колдовством.

Мальчишка так и вырос в Ранг-фиорде. Потом – боги ему помогли, не иначе! – стал воином дружины Рорика, получил свеонское имя Съевнар. Стал храбрым воином и знаменитым скальдом, сочинявшим такие песни, от которых разгоралось сердце за пиршественным столом. За свои песни бывший раб даже получил боевое прозвище Складный. А потом воин и скальд Съевнар Складный влюбился в молоденькую девчонку Сангриль. Хотел сделать ее своей женой. Но брат Альв по прозвищу Хитрый тоже не прошел мимо этого наливающегося яблочка красоты.

Конечно, она предпочла ярла Альва простому воину Съевнару. «Девушка должна уметь позаботиться о себе» – как любит говорить эта синеглазая разумница. И она стала женой брата. Но скальд Съевнар не смирился, сражался с братом и убил его. А потом убежал от мести Рорика на остров Миствельд. Вступил в братство островных воинов, свободных от кровных уз и семейных привязанностей, которые сами выбирают себе ярла. Стоят один за другого как настоящие побратимы, что соединили кровь...

Он думает, что таким образом спасется от мести ярла... Нет, не спасется! – твердо знал Рорик. Не будь он ярлом по прозвищу Неистовый, если все равно не достанет мальчишку Съевнара так или иначе. Пусть боги станут свидетелем его клятвы, и плевать ему на все братства, что встанут у него на пути...

– Рорик, ты помнишь ту ночь, когда Съевнар Складный бежал из Ранг-фиорда? – вдруг спросил Якоб, словно услышав его мысли.

От неожиданности ярл вздрогнул.

Да, бежал... Был связанный, под охраной, и все равно бежал...

Как? Эта загадка до сих пор не давала ярлу покоя. Если вспоминать события того черного дня, то сразу возникает много вопросов. К примеру, по недосмотру или по злему умыслу караульным дали крепкое пиво вместо легкого? Откуда у Складного взялся нож перерезать веревки, если его тщательно обыскал Дюги Кабан, который способен у тролля в заднице найти мелкую монету? Как Съевнар сумел перед бегством незамеченным пробраться в дом и прихватить все свое оружие, броню и пожитки? И не напрашивается ли сам собой вывод, что Складному кто-то помог бежать?

Тогда, по горячим следам, Рорик был слишком рассержен, чтобы обстоятельно разобраться во всем. И потом не разобрался, не смог...

– Помню, – неохотно признался ярл. – Всегда помню.

– А ведь это я его отпустил.

– Ты?! Зачем?! – даже не обида, – точнее, не только обида всколыхнулась в нем. Изумление, скорее.

– Все потому же... Рорик Несправедливый – плохое прозвище, поверь мне. Неистовый – звучит лучше!

Старик пристально смотрел на него, но – спокойно, по-доброму. Гнев Рорика споткнулся об этот безмятежный взгляд.

Да, старый... А ведь Рорик всегда чувствовал, что дядька, жук, что-то знает... Но не выпрашивал. Старый вообще часто бывал упрямым как пень, глубоко вцепившийся в землю узловатыми корневищами. Соблюдал какую-то свою правду.

Вот, кажется, сколько людей проживает в Мидгарде – Серединном Мире – и у каждого своя, не похожая на других правда. Когда-то, в юности, Рорика это удивляло...

– Хорошо... Ты помог ему бежать, Якоб, – пусть так и будет... – сказал ярл, пересиливая себя и стараясь говорить как можно спокойнее. – Ты сказал мне об этом, не стал держать нож за пазухой – хорошо, пусть так... Я не буду судить тебя. И не буду держать обиды на своего старого дядьку, побратима отца... Кто я такой, чтобы судить тебя? Скоро ты сам ответишь за свою жизнь перед лицом Одина, Все-Отца, Тора-Молотобойца, однорукого Тюра Воителя и других богов-ассов... Хорошо!.. Но, пусть падет на меня проклятие богов, если я не разыщу Съевнара и не отомщу ему! Вот это я точно могу тебе обещать, старик. И начну скоро, совсем скоро... Я уже знаю, как сделать, чтобы мальчишке Съевнару жизнь показалась черным проклятием, – мстительно заключил он.

– Рорик, Рорик... Ты слушал, но не слышал меня, – покачал Якоб головой.

– Я слышал, старик! Я хорошо слышал, клянусь оперением воронов Мунина и Хугина, видящих всю землю разом! – ярл не хотел, но разозлился все-таки. – Но я думаю все равно по-своему! И для начала я женюсь на Сангриль, вдове брата. Возьму ее второй женой. Пусть этот малый на острове вольных братьев грызет рукоять собственного меча, представляя свою любимую в моих объятиях! Боги – свидетели, я так и сделаю! И месть моя будет сладкой, так-то, старик! А если он не выдержит зова сердца, уйдет с острова, чтобы найти Сангриль, я уже буду ждать его... – ярл усмехнулся и победно глянул на дядьку. – Что, хорошо я придумал?!

– Рорик, Рорик... Я так и знал, что ты выдумаешь нечто вроде этого... Ты – умный, но пока еще не мудрый, нет... Слишком упрям для этого. Совсем как твой дед Рорик Гордый...

– И дед Рорик, и отец Рагнар умели мстить! – отрезал ярл. – В земле фиордов никто не может похвастаться, что нанес обиду владельцам Ранг-фиорда и ушел безнаказанным. Так было и так будет впредь, запомни это!

– Теперь редко кто из ярлов берет себе вторую, третью жену, – сказал Якоб.

– Редко – не значит, что никогда. У Одина Все-Отца четыре жены.

– Один – бессмертный. У него есть время разбирать бабьи дрязги.

– Я не бессмертный, но для мести у меня есть время и силы! – почти выкрикнул ярл. Глянул на дядьку исподлобья, как в детстве, когда тот ругал его за мальчишеские проделки.

Он и сам вспомнил это, и видел, что старик тоже об этом подумал.

Мысли о прошлом снова погасили разгорающуюся злость.

– Что ж, тебе жить, тебе решать... – вздохнул Якоб. – А ведь мы с тобой, Рорик, так и не вернулись в Гардарику. Не нашли сокровищ князя Добружа... – старый резко, как часто делал, переменял тему. – Помнишь, как хотели когда-то?

Старую историю о сокровищах словенского князя Рорик помнил, конечно. Хотя смутно. Много воды утекло с тех пор, слишком много.

Он не нашелся с ответом. Впрочем, старик и не ждал его.

– Прощай, Рорик! Я все сказал, что хотел.

– Прощай, Якоб! Я услышал тебя... И ты услышал меня, я думаю.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга, потом обнялись.

Ярл мысленно отметил, какими хрупкими и тонкими стали плечи у Якоба, как беззащитно просвечивает сквозь седину волос бледная кожа. И пахнет от него какой-то стариковской кислятиной. Да, болезнь... «Привкус соли и ветра на губах...»

– Прощай!

Почти оттолкнув воспитанника, дядька быстро приблизился к краю обрыва. Помедлил, положив руку на рукоять меча, повернулся к нему. Рорик замешкался, подумал, старик сейчас скажет еще что-нибудь.

– Давай, Рорик, не медли! Один, Бог Рати, ждет меня!

Шагнув к нему, ярл привычно выдернул меч из ножен. Сразу, не останавливаясь, ударил в незащищенное горло, перерубил его легким, быстрым движением.

Тонкая шея старика словно сломалась, голова неестественно откинулась далеко назад, брызнув темной кровью на белый снег.

Еще один долгий миг тело качалось у края обрыва, потом рухнуло вниз...

Рорику показалось, что дядька летела очень долго, будто ветер подхватил его и кружил.

«Или старик стал настолько легким, что ветер смог подхватить его как высохший лист?» – мелькнула не совсем уместная мысль.

С высоты он отчетливо видел, как тело ударилось об один из нижних уступов, брошенной куклой прокатилось по покатой скале, сорвалось, ударилось о другой, снова сорвалось. Камнем, почти без всплеска, свалилось в серую воду. Море тут же сомкнулось над ним...

Прощай, Якоб, прощай! Ты был...

А больше, наверное, не надо ничего говорить, вдруг пришло ему в голову. Просто – ты был!

Когда умирают близкие, с ними умирает и часть тебя – это так...

2

– Съевнар! – окликнул Риг Длиннорукий.

– Чего?

– Ты здесь?

– Нет меня.

– А... А мне сказали, что ты здесь, что видели тебя... – сразу растерялся Длиннорукий.

– Раз сказали – другое дело. Выходит дело, здесь я. Чего тебе, Риг?

– Ага! Ищу тебя, ищу по всему острову, все оббежал, а ты здесь, оказывается! А я ищу... – Риг шумно почесал в затылке всей пятерней, потом аккуратно разгладил едва пробивающиеся усы.

Съевнару захотелось сказать, что найти человека на собственной лежанке – невелика хитрость. Здесь и надо было искать в первую очередь, а не шнырять по всему острову, как мышь в амбаре.

Он сдержался.

Длиннорукий был совсем молодым воином, из северных данов. В Миствельд попал вместе со старшим братом, знаменитым стрелком из лука Фроди Глазастым. Они оба до сих пор выговаривали слова тягуче и непривычно, словно пережевывали вязкую кашу. Смешно говорили.

Сам Риг, в отличие от прославленного брата, не отличался умом. Если совсем честно – ума у него не больше, чем у пятилетнего. Хотя внешне и похож на брата, но по-особому, как хулительный стих-нида похож на величальную драпу. У Фроди Глазастого движения быстрые, собранные и глаза цепкие, острые, словно прицеливаются каждый миг, никто не может быстрее его наложить стрелу на тетиву и в мгновение попасть точно в цель, словно руками положить. А этот всегда словно в полусне, на лице – бездумно-глуповатое выражение. Зато Риг добрый и безотказный. Боги не наделили его умом, зато доброты отмерили за троих, знали все в братстве. Над таким смеяться – что над ребенком.

Дело было уже под вечер, Съевнар сидел в пещере-комнате на своей лежанке, зашивал при свете очага порванный рукав зимней куртки из овчины. Ждал сигнала к общей вечерней трапезе.

Раскаленная каменка трещала поленьями и дышала жаром. После дня, проведенного на морозе, было приятно греться возле огня, неторопливо ковыряя иглой грубое сукно с подшитым внутрь мехом. Съевнар чувствовал: от тепла и покоя глаза постепенно начинают слипаться.

Обстановка в комнате была скудной, два десятка деревянных лежанок-нар да несколько грубо сколоченных табуретов. По стенам на вбитых крюках развешаны оружие и одежда. Дымоход очага искусно выведен вверх, дыма в пещере почти не чувствовалось, зато тепло струилось по всему помещению.

Кров и тепло... И дружная ратная семья... Что еще нужно воину? А вся эта изнуряющая тоска по женским руками и глазам – это от зловредного колдовства троллей, не иначе...

Сангриль, любимая... Где ты сейчас, что с тобой?..

– Складный, слышишь что ли? – не отставал Риг.

– Ну, чего тебе? Зачем искал? – откликнулся Съевнар, перекусывая нить.

– Так это не я, это Гуннар Косильщик тебя искал. Послал меня сказать, что будет ждать тебя в роще Одина. Сказал, чтоб ты пришел к нему.

– Для чего? – Съевнар еще раз критически осмотрел собственную работу.

Не слишком красиво, но перед кем ему красоваться? Держать будет, это главное.

– Откуда я знаю? Он не говорил. Сказал только – найди мне Съевнара Складного, скажи, чтоб пришел в рощу Одина. А зачем – нет, не сказал, – обстоятельно объяснил Длиннорукий. – Гуннар Косильщик всегда так, скажет – сделай, а зачем – не скажет. А как у него спросишь, если он – старший?

– Ладно, сейчас иду.

– Съевнар...

– Чего еще?

– Чего сказать хотел... – задумался Риг. – А, вот чего! Мне брат рассказывал, он недавно ходил в гард Хильдсъяв на кнарах-баржах, видел там Свейгдира Большой Рот, а тот знает Радборта из Муспель-фиорда, который дружен с Гулли Медвежьей Лапой... Так вот Медвежья Лапа рассказывал Радборту, когда пил с ним пиво, что конунг Рорик Неистовый грозился... Или – нет, не так! – перебил сам себя Длиннорукий. – Вспомнил! Это Свейгдир Большой Рот дружен с Гулли Медвежьей Лапой, это с ним он пил пиво, а потом Свейгдир рассказывал Радборту из Муспель-фиорда... Или – нет... Сейчас, сейчас, вспомню... – окончательно запутался он, напряженно наморщив узкий лоб.

– Да чтоб ворон Мунин, вещая птица, клюнул в задницу Свейгдира Большой Рот и Радборта из Муспель-фиорда и заодно Гулли Медвежью Лапу, который хлещет пиво со всеми воинами на побережье! – не выдержал Съевнар. – Ты дело говори! Что там грозился конунг Рорик? Говори уже!

– Сейчас, сейчас... Ага! Так вот конунг Рорик грозился во всеуслышание, что все равно расправится с тобой, как с презренным нидингом, будь хоть ты трижды воином братства. Мол, все равно рано или поздно ваши дороги пересекутся, боги не допустят, чтобы смерть брата осталась не отомщенной. Так и говорил, мол, так и грозился...

– Теперь понятно.

На миг мелькнула безумная надежда узнать что-нибудь о Сангриль, вопрос о ней чуть было не соскочил с языка, но Съевнар так и не задал его. Сам тут же понял: даже если Медвежья Лапа говорил о ней, когда, как обычно, пил с кем-то пиво, откуда об этом знать Длиннорукому?

– Съевнар...

– Что?

– Неужели ты совсем не боишься мести конунга Рорика?

У кого другого такой вопрос прозвучал бы как оскорбление, не честь для воина признаваться в собственном страхе. Пожалуй, лишь дурачок Риг мог задать его так, что это не прозвучало обидно. Как ребенок, который искренне, без задней мысли интересуется всем подряд.

– Нет, не боюсь, – чуть помедлив, ответил Съевнар.

– Ты – храбрый! – восхитился Риг. – Ярл Рорик, владетель Ранг-фиорда – знаменитый боец.

– Да, конечно... Ладно, я пойду, Гуннар Косильщик, наверное, уже заждался меня.

– Ага! Точно! Он же посылал меня за тобой, – вспомнил Длиннорукий. – А зачем – я не знаю, он же не говорил, а я не спрашивал...

Вставать все-таки не хотелось, пригрелся до сонного оцепенения. Но если один из старших братьев зовет – значит, нужно.

Съевнар для верности подергал шов, тяжело вздохнул и начал натягивать куртку.

* * *

Когда он вышел на поверхность, гуляка-ветер сыпанул ему в лицо горсть снежной пыли. Съевнар рукавицей растер снег на лице, чувствуя, как сразу взбодрился на холоде.

Вечер выдался тихим. В вышине поблескивали колючие звезды, яркий месяц серебрил сугробы нежным колдовским светом. Ясное небо обещало, что мороз будет усиливаться.

У выхода из крепости Сьевнар перекинулся парой слов с дозорным, скучавшим на приземистой башне. Конопатый Сель, замотанный в многочисленные одежки, слонялся по башне от зубца к зубцу, греясь движением. Одежда делала его широким, одинаковым в плечах и поясе – как кочан капусты катается по полу, честное слово.

Так и будет ходить, пока не сменят, знал Сьевнар. Хаки Суровый, ярл дружины Миствельда, одинаково строго спрашивал с караульных и в походе, и на самом острове.

Еще раз кивнув Рыжему, он быстро зашагал мимо сараев-клетей и мастерских.

В отличие от поместий богатых ярлов, на острове не было рабов, все хозяйственную работу братья делали сами. Дело даже не в аскетических условиях братства, просто рабов нужно кормить. Не стоило того, когда большую часть припасов приходилось завозить с побережья.

Значит, ярл Рорик до сих пор грозитя...

Сангриль...

Стоит вспомнить ее – и боль любви возвращается, опять тянет сердце. Иногда Сьевнару казалось, что внутри у него как будто нарыв. Вот если бы проколоть его, вылить боль в кружева восьмистрочных вис, глядишь, полегчало бы, думал он иногда.

Только боги лишили даже этого утешения. Путешествуя по побережью, и сейчас, на острове, он много размышлял о стихах, но, если разобраться, не сложил ни одной стоящей висы. Даже удивительно – когда был счастлив, он сумел рассказать о любовной тоске, а теперь... Как Якоб-скальд, который знает о поэзии все и не может только самого главного – сочинять стихи, грустно улыбался Сьевнар.

Да, старому Якобу, ожидающемуся его новых творений, похоже, придется ждать долго, подумал он. Безголосый скальд – это ли не наказание богов? Понять бы еще – в чем он виноват перед ними?

А в чем был виноват перед Сангриль, что она отбросила его как ненужную ветошь?

Сьевнар шел, и утоптанная тропа вводила его все дальше от дружинных построек. Снег, отражающий бледный свет месяца, светился словно сам по себе и отчетливо скрипел под ногами. Казалось, его шаги разносятся на весь остров.

Вокруг было по-зимнему безлюдно, Миствельд дремал под белым покровом. Даже море словно бы затаилось, набиралось сил, чтобы снова и снова разбивать непокорной волной намерзающий прибрежный лед.

Дубовая роща Глассир была названа так в честь знаменитой рощи богов-ассов Глассир Сияющей, что растет в Асгарде перед дворцом Одина. Сьевнару как-то рассказали, раньше на острове совсем не было дубов, не та почва. Но когда-то один из ярлов острова дал всем братьям наказ привозить из каждой отлучки по полному шлему плодородной земли. Этот старинный обычай до сих пор соблюдался. За долгое время существования братства воины навезли целое поле, так в центре острова появились любимые деревья Одина Все-Отца. Среди них, согласно обычаю, высился камень Одина с высеченными по гладкой поверхности рунами. Воины часто приносили подарки к священному камню и смазывали его своей и чужой кровью, этой водой жизни и смерти, если хотели привлечь внимание богов.

Сейчас священная роща тоже спала под зимним покровом. Среди коренастых деревьев, чернеющих толстыми ветвями с налипшими снежными шапками, Сьевнар не сразу заметил Гуннара. Тот неподвижно сидел на заснеженных камнях под дубом, закутавшись в темный длинный фельдр-плащ, с накинутым на голову остроконечным капюшоном.

Увидев, наконец, старшего брата, Сьевнар подошел ближе. Гуннар не шевельнулся, даже не обернулся на его шаги...

* * *

Когда Съевнар только осваивался на острове, Гуннар Косильщик показался ему человеком веселым и легким. Еще в их первую встречу в море Съевнар про себя сравнил его с кузнечиком. И дело не только в долговязом сложении и стремительности движений, отличавших знаменитого мечника. Чувствовалась в нем некая брызжущая, игривая сила, сразу выделявшая его среди остальных.

Действительно, как беззаботный кузнечик, скачущий по летнему лугу. И на ратном поле, и за хмельным столом Гуннар был одинаково оживлен, весел, приветлив и лучился, как весеннее солнышко.

Молва не врала, в бою на мечах Гуннару не было равных, быстро убедился новый брат острова. Съевнар сам видел, как Косильщик, разминаясь ратной игрой, вышел с одним Самосеком, своим знаменитым длинным мечом, против четверых молодых бойцов с мечами и щитами. И разметал их по краям ристалища так же быстро, как поднявшийся ветер сметает сухие листья. Те, казалось, сами рты пораскрыли, не успевая следить за причудливой молнией его клинка.

За десять зим и лет в земле фиордов Съевнар много сражался и часто встречал знаменитых воинов. Тот же Агни Безумный или Рорик Неистовый умели сражаться с завораживающей грацией ядовитой змеи. Но такой скорости движений Съевнар никогда не видел. Не подозревал, что человек способен двигаться так же быстро, точно и неотвратимо, как мелькают в небе огненные стрелы бога Тора Громовой Молот.

Да, Гуннар Косильщик, Гуннар Невидимый Меч – великий воин! Даже бывалые ратники, насмотревшиеся всякого за долгую жизнь, как дети восхищались его искусством меча. Кто знает, может, и не врет молва, без колдовства гномов здесь не обошлось...

Прошло время, и Съевнар убедился, что характер у старшего брата совсем не такой легкий, как кажется с первого взгляда. Складный сам убедился, что улыбчивая беззаботность Косильщика неожиданно сменяется мрачным, угрюмым оцепенением, когда тот садится где-нибудь в углу и перестает что-либо замечать. Так может продолжаться и день, и два, пока он так же неожиданно не встряхнет белыми, вьющимися волосами и снова не станет самим собой, словно бы опомнившись от тяжелых мыслей. Но пока он сидит вот так, сгорбив острые, угловатые плечи и вытянув на коленях длинные руки, – к нему лучше не подходить, это знали и ветераны, и молодые.

Вот и сейчас Гуннар неподвижно сидел на снежном бугре под развесистым дубом, словно ничего не видя вокруг. Съевнар нерешительно потоптался рядом. Нарочито громко скрипел подошвами по мерзлому снегу, потом прокашлялся, привлекая внимание.

Косильщик не оборачивался к нему.

Дурацкая ситуация! Стоило ли вылезать на холод от теплой каменки, чтобы увидеть старшего брата, застывшего, как ледяной столб? И что теперь делать? И зачем вообще Гуннар посылал за ним Рига, если на него опять напала его черная тоска?

Съевнар насупился и потер рукавицей подмерзающие щеки. Еще потоптался, кашлянул через силу и вдруг, уже не нарочно, зашелся в настоящем приступе кашля. Долго не мог успокоиться, громко фыркая и отхаркиваясь, – подземелье с отравой временами давало знать о себе.

Этот кашель окончательно разозлил Съевнара. Он твердо решил развернуться и уходить, раз старший брат не соизволит обращать внимания.

– Я наблюдал за тобой, когда ты упражнялся на ратном поле, – вдруг сказал Косильщик.

– И что? – спросил Съевнар.

От растерянности – довольно глупо спросил, сам тут же это понял.

– И ничего, – спокойно ответил Гуннар. – Я вижу, твой меч при тебе, – добавил он, все так же не оборачиваясь. – Напади на меня!

Интересно, как он мог видеть, если не оборачивался?! Спиной что ли?! – продолжал злиться Сьевнар.

– Сейчас напасть?

– Нет, завтра! Или – послезавтра... Или лучше вообще подождем, пока мы здесь не превратимся в две большие сосульки, – ехидно отозвался Гуннар.

– Риг Длиннорукий только что передал мне твою просьбу. Я сразу пришел, как только услышал, – оправдался Сьевнар.

– Если нужно будет послать кого-то за смертью, лучшего гонца не найти, – проворчал Косильщик. – Риг Длиннорукий – юноша умом не пряткий, он и между двух прибрежных камней не найдет выхода к морю.

– Ты же сам его посылал.

– Посылал, – согласился Гуннар.

Косильщик, наконец, глянул на него, и Сьевнар с облегчением убедился, что глаза у старшего брата веселые. О черной тоске, хвала богам, говорить не приходится.

Просто сидел воин. Просто задумался.

* * *

Что же все-таки происходит с Косильщиком? Почему он то весел, как беззаботный жаворонок, а то становится мрачен, как великан с большими зубами? Может, в его неожиданных приступах есть что-то от черного безумия, некогда сгубившего Агни Сильного и многих других знаменитых бойцов? – мелькала иногда мысль.

Спросить об этом Сьевнар не решался, конечно.

Он чувствовал, знаменитый мечник отличал его среди остальных молодых, словно присматривался к нему исподтишка. Несколько раз замечал, как Гуннар подолгу обсуждал что-то со своим приятелем Ингваром Крепкие Объятия, посматривая в его сторону. А зачем? Что они обсуждали?

Гуннар Косильщик нравился Сьевнару. Как опытный, зрелый мужчина в цвете лет и расцвете силы может нравиться юноше. Сьевнар замечал за собой, что незаметно начинает подражать Косильщику. Характерное словечко, жест, поворот головы – сделаешь, и тут же ловишь себя на мысли, что это не твое, это – Гуннара, у него подсмотрено.

Да, такого человека хотелось бы иметь старшим братом! «Впрочем, кто он такой, какими выдающимися подвигами прославился, чтобы хотеть этого?» – одергивал себя Сьевнар. Друзья Гуннара – силач Ингвар Крепкие Объятия, знаменитый лучник Фроди Глазастый, Бьерн Железная Голова и другие прославленные бойцы острова. Поговаривали, сам ярл Хаки Суrowый особо выделяет Косильщика среди остальных старших братьев и хочет сделать своим преемником.

В сущности, он ведь мало знает о Гуннаре, неоднократно задумывался молодой скальд. Откуда, к примеру, взялось его божественное искусство мечника? Косильщик никогда не говорил об этом, как упорно его ни расспрашивали.

Обычно братья Миствельда, собравшись за трапезным столом и затуманившись от крепкого пива, охотно и подолгу вспоминали прошлое – родные фиорды, где они росли, чужие земли, куда ходили в набегах, ярлов и морских конунгов, которым служили, прежде чем вступить в братство острова. В дружине Ранг-фиорда тоже не проносили налитого мимо рта, но на острове пили, пожалуй, больше. Понятно, без семей, без привязанности, без домашних забот, легко коротать время за веселым, хмельным столом, забавляясь мужскими разго-

ворами о сражениях и походах. Но Гуннар при таких разговорах болтал о чем угодно, только не о себе, словно навсегда замкнул в сердце прошлое.

Кто-то из ратников рассказывал Сьевнару, что история появления Гуннара на острове во многом похожа на его собственную. И в чем-то – на историю Вилбура Отважного, первого ярла Миствельда. Как, наверное, на многие другие подобные истории, где смешивается любовь и коварство, упругая изворотливость подлости и благородное упрямство мести.

Виновником тоже был знатный ярл из рода Торгвенсонов, который взял девушку Косильщика, пока воин был далеко. Досужие языки болтали – силой взял, но потом уговорил стать его женой.

Гуннар, уже тогда известный умением биться на мечах, вернулся из викинга, вызвал ярла на поединок и убил его. Бой был честным, это все признавали, но ему все равно пришлось бежать из фиорда, потому что пять родных братьев убитого объявили кровную месть, поклявшись перед богами отомстить жестоко и неожиданно. Не как воину отомстить, как презренному нидингу, которых убивают без предупреждения.

Потом, рассказывали, Гуннар на много зим исчез с побережья, и долго где-то скитался. А когда вернулся в фиорд, четверо из пяти братьев подстерегли воина в безлюдном месте и напали одновременно. Гуннар же лишь развеселился, скользил между нападавшими, как сытый лис среди заполошных уток, тяжелым Самосеком выбивая из рук мечи и секиры. И даже никого не убил, опозорив тем самым до скончания веков. Победить противника и оставить его в живых – самое большое оскорбление, которое воин фиордов может нанести воину.

«А тут – сразу четверых оскорбил! – зубоскалили в округе. – Один – четверых! Нет, зря братья Торгвенсоны сами взялись творить месть, надо было послать жен с острыми веретенами – все было бы больше толку!»

Врагам – позор и насмешки, Гуннару – честь и хвала.

Вот где он скитался, откуда принес такое умение сражаться – об этом никто не знал и он не рассказывал. Можно догадаться, Косильщик не случайно пропал так надолго, наверняка нашел ход в подземелья гномов, где вместе с волшебным оружием хранятся секреты боевого искусства богов-ассов. Все знают: подземный народец мелок и не воинственен, зато они рачительные хозяева – все прибирают в свои тайники, и нужное, и ненужное. Уж как Косильщик уговорил гномов открыть секреты, что обещал взамен, – остается только догадываться...

«А хорошо бы догадаться! Видит Один, одно такое умение стоит боевого корабля, груженного золотом...»

Род ярлов Торгвенсонов был знатный и многочисленный, они издавна привыкли быть хозяевами в своих владениях и не слишком соблюдали законы, опираясь на право силы, рассказывали дальше. А братья-ярлы, слыша насмешки и видя ухмыляющиеся лица, дошли до той степени ненависти, когда из печени в голову поднимается горькая желчь, затмевая остатки разума. Однажды ночью они со своими людьми напали на дом Косильщика и подожгли его, убивая всех, кто попадался им на глаза. Так погибли его родители, сестры, родственники, рабы – все, кто был в доме. Только самому Гуннару удалось уйти, прорубив Самосеком просеку среди нападающих.

Конечно, он мог обратиться в тинг, потребовать наказания для зарвавшихся ярлов. Но воин поступил по-другому. Скрылся от всех, ушел в лес, как уходят нидинги. И вел свою войну в одиночку, подстерегая ярлов-обидчиков и убивая их одного за другим, как и их ратников, что вставали у него на пути. Убивал и снова исчезал в лесах, с неумолимостью оленя уходя от погони. Когда же четвертый брат Торгвенсон упал под ударами Самосека, Гуннар во второй раз покинул родной фиорд.

Стал воином Миствельда.

Да, вот такой он – Гуннар по прозвищу Косильщик, что умеет ударить мечом, как косою скосить! – обычно добавляли рассказчики. Он знает, как должен вести себя благородный муж, когда кажется, что правды и справедливости в мире уже не осталось...

* * *

– Ну, что же ты! Нападай! – поторопил Гуннар. – Покажи, какой ты великий воин!

Напасть? А почему бы и нет? Если старшему брату, застывшему на камнях, хочется согреться ратной игрой, почему бы не помочь ему?

Съевнар еще помедлил, прикидывая на глаз разделяющее их расстояние. Его меч был специально затуплен для тренировочных боев, можно было не сдерживаться в движениях, удивить знаменитого бойца своей силой и ловкостью, решил он, чувствуя пробуждающийся азарт.

– Ну же!

Съевнар прыгнул. Самому показалось – он моментально очутился под нависающими ветвями, в прыжке выхватил меч из ножен, и тут же, не прерывая движения, ударил.

Но меч только взрыхлил снег, звякнув о камни, где за мгновение до этого сидел Гуннар. А сам старший брат уже стоял в четырех-пяти шагах, смотрел ему в спину насмешливыми глазами цвета родниковой воды. Неподвижно стоял! Слово это не его плащ только что мелькнул тенью перед глазами, едва не коснувшись сукном щеки.

– Нападай еще! Ну же!

Съевнар напал. И снова разрубил пустоту.

– Еще! Ну!

Следующий бросок получился еще быстрее. И меч, как на мгновение почудилось Съевнару, действительно достиг цели. Только этой целью оказался ствол коренастого дуба.

От сильного удара дерево здрогнуло, и на голову Съевнару свалилась шапка колючего снега. Слово сам дуб сплюнул от возмущения, глядя на неумеху-воина.

Съевнар долго фыркал и отплевывался от снега, прочищая глаза и уши. Под воротником сразу начало таять, и противные холодные капли покатались по разгоряченной спине.

Самому смешно. И стыдно, конечно.

– Еще? – спросил Съевнар.

– А не хватит ли?

Ему показалось, что Гуннар слегка улыбнулся. Впрочем, лицо было запорошено снежной пылью, что тут увидишь.

Позор, конечно, не попасть мечом в безоружного! Гуннар ведь даже не попытался достать свой прославленный Самосек. Вон она – узорчатая рукоять меча, украшенная причудливым плетением золотой проволоки, так и оставалась в ножнах под распахнувшимся фельдром.

«Обидно все-таки... Как с мальчишкой...»

– А то – я могу! – сгоряча пообещал Съевнар.

– Я вижу! – подтвердил Гуннар, посмеиваясь одними глазами. – Ладно, хватит, пока ты действительно не наломал дров. Не то, смотри, Один обидится, что ты рубишь его любимые деревья в священной роще... А я скажу так: если бы мы с тобой прыгали на спор в колодец – кто быстрее, я бы еще дважды подумал, прежде чем побиться об заклад с таким проворным юнцом. Но в бою на мечах, Съевнар, мало одного проворства. Да, ты сильный, у тебя быстрые ноги и крепкая спина... Но ты все делаешь неправильно! Неправильно двигаешься, неправильно держишь меч, ты не думаешь, что делаешь сам, и не видишь, что делаю я... Так или нет?

– Так, похоже...

– Я знаю, ты считаешься бывалым воином, ты ходил в набеги и убивал врагов.

Я не умаляю твоих заслуг, Сьевнар, но если противник держит меч как лопату, его можно убить и комком земли. Вот если ты встретишь на своем пути настоящего бойца и начнешь наскакивать на него, как бык на ворота... Думаю, ему не понадобится много времени, чтобы отвалить от тела твою удалую голову... Так или нет?

Сьевнар только удрученно кивал.

– Не так давно, всего лишь прошлой зимой, я услышал от скальда Атли мансаунг о любви к женщине и тоске по ней, – вдруг рассказал Косильщик. – Я помню, меня поразило тогда, как точно неизвестный скальд описал мои собственные чувства. Я бы и сам рассказал о своей далекой любви точно так же, если бы умел так красиво складывать висы... А потом я узнал, что мансаунг «Память о девушке, ждущей воина» сочинил Сьевнар Складный из Ранг-фиорда. Потом Сьевнар Складный сам появился на острове... Не слишком ли много совпадений? Ты не находишь?

Сьевнар удивленно вскинул глаза. При чем тут его стихи? Почему Гуннар заговорил о них после его неуклюжих атак, к чему клонит? Или решил сказать, что сочинять висы проще, чем сражаться на мечах? Ну, это еще как посмотреть...

Косильщик сам ответил на его невысказанный вопрос:

– Почему, думаешь, я вспомнил твои стихи? Хорошие стихи, я давно хотел сказать тебе это, – больше, чем хорошие, я-то знаю, о чем говорю... – теперь Гуннар говорил медленно, потирая щеку большим пальцем правой руки, как всегда делал, задумываясь о чем-нибудь. – Да, когда-то я тоже потерял свою большую любовь... И прожил потом долгую жизнь, и многое нашел на дорогах жизни. Но такой любви я больше не встретил, да... И никогда не чувствовал себя настолько счастливым, словно готов разом обнять весь Мидгард... Не знаю... Наверное, память о ней, той любви, останется в моем сердце даже в Асгарде за столом эйнхириев. Смерть, я думаю, тоже не принесет мне забвения, потому что есть в этом мире то, что не в силах изменить даже боги...

Сьевнар, вдумываясь в его слова, неопределенно покачал головой. Косильщик, заметив это, коротко махнул рукой, словно бы заранее отменяя всякие возражения.

– Но я хотел говорить с тобой не об этом. Когда я повторял про себя висы поразившего меня мансаунга, Сьевнар Складный представлялся мне бывалым воином, убежденным сединами и пережившим многое, – продолжил он. – Я представлял себе, что когда-нибудь встречу его на дороге викинга, что мы сядем с ним за чарами с пивом и поговорим о том сокровенном, о чем суровые воины стесняются говорить за общим столом... А оказалось – он молод, почти юнец, даже не понимающий разницы между рукоятью меча, или, к примеру, секиры или палицы... – Гуннар пристально глянул на него, усмехнулся и неожиданно подмигнул, как мальчишка. Встряхнул белой гривой, на которой были незаметны снежинки.

Сьевнар извлек из-за шивороты еще пригоршню снега, кинул под ноги и промолчал. Если честно, он не знал, что ответить. Не понимал, хвалит его Гуннар или подтрунивает. Что у Косильщика на уме – никогда не поймешь, лицо всегда спокойное, собранное, даже холодное, а в светлых глазах будто приплясывают проказливые прозрачные эльфы. С этим одинаковым и странным выражением лица он и меч обнажает, и чару поднимает за дружным столом.

– Но я опять отвлекся от главного, а здесь слишком холодно, чтобы трепать язык как мочало... Вот что – я хочу учить тебя искусству меча, Сьевнар Складный! Мне представляется, ты способен будешь постигнуть то, чему я могу тебя научить. Не многие это могут, но ты – сможешь, я думаю. Ты – скальд, боги одарили тебя чувством ритма, хоть ты и не умеешь приложить его к собственному телу... А почему, ты думаешь, искусство боя и поэзия стоят во мнении богов и людей так близко друг к другу? Все потому же – и здесь, и там

нужно больше чувствовать, чем рассуждать, думать не умом, а сердцем и кровью... Я верю, ты сможешь разбудить в себе кровь драконов, что дано не каждому, далеко не каждому!

Он, этот знаменитый воин, словно бы просил его, подумал Сьевнар. Хотя, кто кого должен просить?

Братья поговаривали, ярл Хаки Суровый много раз пенял Гуннару, что он не передает своего искусства. Но тот только отговаривался, мол, учить кого-то из опытных бойцов – только портить ему руку, а среди молодых он пока не видит подходящих. Другому ярл Хаки мог бы приказать, но Гуннар – это Гуннар, лучший меч острова.

И вот ему, новичку в братстве, такая честь – учить ся бою на мечех у самого Косильщика! Опять не сразу сообразишь, что сказать...

Сьевнар почувствовал, как от гордости разворачиваются плечи, и вздергивается подбородок. Ему честь, не кому-нибудь! И в то же время промелькнула ехидная, остужающая мыслишка, как комок снега, что тает за шиворотом, холодными каплями скатываясь по позвоночнику: «Как там говорил Якоб-скальд про Сангриль – та, что любит себя, даже отражаясь в помойной луже... – вдруг вспомнил он. – Хорошо сказал, как припечатал... А он, Сьевнар Складный, не слишком ли залюбовался собой? И любит себя, и гордится, и жалеет себя, все глубже погружаясь в эту зыбкую трясины... За все время на острове – ни одной новой висы, только старые стихи за хмельным столом под одобрительные удары чар о столешницу... Впрочем, о чем это он? Негоже уплывать мыслями куда-то вдаль, когда старший брат ждет ответа...»

– К тому же, я слышал, конунг Рорик Неистовый жаждет встречи с тобой. Хочет попрощаться от всего сердца, – усмехнулся Косильщик, припоминая. – Неистовый – хороший боец, чувствует клинок как продолжение руки, я видел, как он умеет сражаться. Мне будет жалко, если вместе с тобой погибнет и твой дар слагать висы, этот мед богов, который надлежит беречь людям.

Сьевнар вспомнил, как нечто подобное говорил ему Якоб-скальд. Не так уж давно это было, а теперь кажется, что очень давно.

Да, медом поэзии боги наделяют своих избранников – это все знают. Только не все догадываются, что даже избранность не приносит счастья, можно быть избранным и оставаться несчастней последнего нидинга. Об этом, наверное, никто не задумывается... Сангриль... Нет, он опять начинает себя жалеть. Не надо, хватит, устал уже! Кто бы знал, как он устал от этого – постоянно перебирать прожитое, представляя, как все могло сложиться иначе...

«Занятие бесплодное, как зыбучие пески береговых дюн, и такое же затягивающее!»

– Кровь драконов? Что это? – спросил он, с усилием отгоняя мысленное наваждение.

– Не знаешь? Может быть, и не знаешь, это не каждый знает. Хотя, всему свое время, когда-нибудь я расскажу...

* * *

Потом, вспоминая тот вечер, Сьевнар ясно видел перед собой застывшие, заснеженные дубы, колючие от мороза звезды, белесый месяц, начищенное серебро пушистого снега. И худощавое лицо Гуннара, его прямую фигуру под толстым плащом с откинутым капюшоном. И его давнюю, застарелую печаль потерянной любви, залегшую в мелкой сетке морщин вокруг глаз.

Печаль, которая так созвучна его собственной печали! – неожиданно понял скальд.

Наверное, именно в тот вечер Гуннар Косильщик стал близок ему, как никто на острове. Именно тогда началась их дружба, дружба старшего и младшего, большая дружба, о какой слагают красивые висы...

3

«Почему, думаешь, все народы, поклоняющиеся Одину Одноглазому, Все-Отцу, так любят изображать драконов? – спросил однажды Гуннар Косильщик. – Почему называют драконами свои корабли и украшают их деревянными драконьими головами? Для чего выковыывают их изображения из дорогих металлов, вырезают из дерева, из кости и рыбьего зуба?»

Конечно, не просто так! Когда-то на земле было время драконов, неторопливо рассказывал Косильщик. Не только люди, даже боги-ассы еще не были рождены. Лишь злобные великаны все время пытались захватить богатые и плодородные земли Мидгарда. Именно тогда огнедышащие драконы летали над землей на своих огромных и сильных крыльях, охраняли пустынные земли от великаньих набегов.

Это была долгая, большая война. Благородные драконы все как один пали в неравных битвах, но благодаря их доблести великанам так и не удалось заполучить Мидгард, они так и остались жить в своем сумрачном, холодном Утгарде.

Вот почему для всех народов, населяющих фиорды, погибшие драконы до сих пор являются символом воинственности и мужества. И боги-ассы тоже помнят их доблесть. Храбрым ратникам, ступившим на дорогу викинга, они, как награду, дарят капли драконьей крови. Эта кровь спит в человеческих жилах, и может долго спать, вот если почувствовать ее в себе, разбудить, то она сразу сделает человека еще сильнее и яростнее...

Да, это нелегкий труд – почувствовать в себе кровь драконов, подытожил Гуннар. Многим это так и не удается до конца жизни. А во многих ее совсем нет, это тоже можно понять. Но воин, которому все-таки удалось почувствовать ее в себе, становится вдвое, втрое сильнее...

Сьевнар запомнил его слова. Кровь драконов... Вот, значит, оно как...

* * *

В сущности, Гуннар рассказывал ему очень много непривычного и даже странного. И потом, спустя годы, когда минуло много зим и лет, когда жизнь его потекла по другому руслу, Сьевнар вспоминал уроки мастера меча и заново обдумывал их, особенно, их первые уроки, где он, если говорить откровенно, – совсем юнец, тарачил от удивления глаза и часто не верил своим ушам.

Например, Складный всегда знал, что обоерукий боец, тот, который умеет сражаться двумя мечами одновременно, – куда опаснее для противника. Высшее искусство воина – вести бой двумя мечами, считалось на побережье. А Гуннар утверждал, что два меча – это баловство, не больше. Мол, с двумя мечами можно драться против неуклюжих пентюхов, которых нужно валить пучками, как колосья под ударом серпа. Как почувствуешь, что против тебя сражается боец равный по силе и ловкости, немедленно бросай второй меч, потому что он будет только мешать, советовал Гуннар.

Почему? погоди немного, сам поймешь со временем...

А странные упражнения, что задавал ему Гуннар, уводя на дальний, пустынный берег острова – одни они чего стоят...

Удивительные упражнения, совсем непривычные!

Сьевнар, к примеру, был уверен – чтобы научиться быстрым ударам меча, надо просто рубить и рубить, тренируя руку на скорость. Напрячь все силы, и рубить, как еще?

А Гуннар говорил – нет, не так! Чтобы почувствовать в себе скорость, нужно сначала научиться двигаться медленно и плавно. Расслабиться до конца, поплыть, словно пушинка, подхваченная потоком воздуха. И чем медленнее, мол, ты научишься плыть своим телом, тем

быстрее станут впоследствии твои движения. Поплыви по воздуху тихо-тихо, едва уловимо, услышь внутри себя особую мелодию движения и потом, когда решишь двигаться быстро, скорость сама придет к тебе, утверждал знаменитый мечник. Ты – скальд, ты должен понимать, что своя, скрытая мелодия есть в каждом движении и в любом деле.

Странная, наверное, эта была картина, усмехаясь, вспоминал, Сьевнар. На заснеженном берегу острова стоял воин с мечом в руке и медленно водил им по воздуху. А Гуннар сидел рядом, закутавшись в плащ, и поигрывал деревянной палочкой. Медленнее, мол, еще медленнее...

Неожиданно – хлоп! Палочка больно щелкала по костям. Торопишься, воин, еще медленнее...

Обычно свеонские ратники, постигая искусство боя, заучивали два-три десятка ударов, уходов и обманных движений, которыми и пользовались. Бывалые ратники утверждали – бойцу не нужно знать много атак и обманок, лишние только мешают в схватке. Зато те, что есть, нужно знать твердо!

А Гуннар говорил – нет, не так! Чем больше, мол, разных вариантов защиты или нападения в голове, тем быстрее тело выбирает нужное, хотя, кажется, должно быть наоборот...

Только когда Сьевнар начал двигаться так, чтоб не получать палкой по рукам и ногам, Гуннар, наконец, извлек из ножен свой прославленный Самосек.

Они сражались, но это опять были медленные, плавные сражения, больше похожие на какие-то танцы, когда мечи даже не звенят друг о друга, а только тихо, почти неслышно соприкасаются.

Только так, медленно, можно увидеть и понять, что происходит в схватке, утверждал Гуннар. Запомнить движения, прочувствовать их всем телом. В звоне клинков поздно вращать тяжелые жернова мысли, в бою тело само должно думать и чувствовать.

«Кровь драконов...»

Были, впрочем, упражнения еще более удивительные. Однажды Гуннар привел Сьевнара в одну из пещер и посадил считать капли. Вот именно – капли. С потолка сочилась вода, методично ударяя в каменную чашу, а Сьевнар должен был сосчитать каждую.

Сначала это показалось Сьевнару легким заданием, но он скоро убедился, насколько это тяжело – не пропустить ни одной, не уплыть мыслями, не отвлечься...

Откуда все это взялось? Кто и где учил Косильщика таким диковинкам? – Сьевнар все еще не знал. И нужны ли вообще подобные умствования? – не понимал он. Слишком сложно как-то, не при вычно...

И какое отношение, к примеру, имеют капли к искусству меча? – недоумевал Сьевнар. Но Гуннар только посмеивался в ответ.

Да, первое время он совсем не понимал Косильщика, пытался возражать и спорить. Но под насмешливым взглядом старшего брата особенно не поспоришь. Вот это он быстро понял. Да и деревянная палочка умела хорошо убеждать, Гуннар всегда попадал по особо болезненным точкам.

«Чувствовать, чувствовать, чувствовать! – повторял Косильщик как заклинание. – Не видеть, не слышать, не осязать по отдельности – все вместе, все сразу! Учись чувствовать и думать делом, воин-скальд! Тело – быстрее разума!»

Только потом, ближе к весне, после бесчисленного количества плавных боев-танцев, какого-то невероятного множества сосчитанных капель, Гуннар вдруг начал незаметно, исподволь ускоряться, и Сьевнар тоже ускорился вместе с ним. Сам с удивлением ощутил, что еще никогда в жизни не двигался так ловко и стремительно. Неожиданно ловко, неожиданно стремительно даже для самого себя. Начал видеть и замечать малейшее движение противника, тень на его лице, дрожание губ...

Прав оказался знаменитый боец! Их медленное и плавное само обернулось быстрым и сильным. В точности как монета, которая, падая, оборачивается другой стороной.

Он все-таки почувствовал в себе кровь драконов! – гордился и радовался Съевнар.

Гуннар поощрительно кивал ему. Впрочем, не забывал напомнить, что молоденькому селезню рано кричать в полную силу, чтоб не сорвать раньше времени голос.

Он, Косильщик, едкий как неспелая клюква. В любую корчагу с медом подбросит щепотку соли...

* * *

«Чувствовать, чувствовать, чувствовать!»

Гуннар часто это повторял, очень часто.

Съевнар помнил, как однажды утром Косильщик привел его на плотный прибрежный песок, сунул в руки деревянную палку и натуго завязал себе глаза темной тряпицей. «А теперь, воин, попробуй меня ударить».

Съевнар давно уже не удивлялся странным упражнениям старшего брата, но это показалось более чем странным. Ударить незрячего? Что может быть проще?

Оказалось – нет. Каким-то чудесным образом Косильщик, ничего не видя, отбивал все его атаки. Даже когда Съевнар, разгорячившись, напал практически в полную силу, Гуннар только посмеивался, легко блокировал все его удары и несколько раз ощутимо приложил по бокам и бедрам.

«Теперь ты понял, что значит чувствовать?»

Понял?

Вряд ли...

По-настоящему Съевнар понял это позже, только тогда, когда сам оказался с завязанными глазами. Гуннар двигался где-то рядом, время от времени тихо посвистывал, обозначая присутствие, а он, спотыкаясь на неровностях, беспомощно ковырялся со своей палкой. С досады месил воздух перед собой, как дюжая баба тесто, и все равно пропускал насмешливые удары Гуннара. Со временем Косильщик и свистеть перестал. Напал молча, тихо, неуловимо.

«Говоришь, воин, сражаться вслепую невозможно? А разве я не показывал тебе невозможное? Нет, я все-таки зря взялся учить тебя, вбивать в дырявую голову искусство меча – все равно что переливать хорошее пиво в худой бочонок...»

Прошло время, прежде чем Съевнар освоился в слепом бою, начал отражать атаки Гуннара по звуку, по движению воздуха, по мельканию теней, падающих на лицо. По интуиции, в конце концов, потому что иначе это странное состояние не определишь.

Он все-таки научился «чувствовать»...

* * *

И еще один урок запомнился Съевнару на всю жизнь. Отчетливо, как немногое из прошлого остается в памяти.

Простой урок. Однажды, перед началом тренировочного поединка, Косильщик вдруг пригнулся, подобрал с земли камешек-голыш и быстро кинул его в противника. Съевнар интуитивно отбил камень движением меча, но в это время клинок Косильщика уже оказался у его горла.

«Ты понял, воин, что я хотел тебе показать? Запомни и заруби себе на носу, бой – это не благородный поединок на равном оружии. В бою нет правил и нет законов, в бою только один закон – победить или умереть... Говоришь, знаешь? Говоришь, уже ходил в набег

с дружиной? Тогда почему же ты оказался не готов к маленькому, безобидному камешку, которым не убьешь и ворону? Вот то-то...»

* * *

Как учат плавать малую ребятню? Берут и бросают в воду на глубине, сказал ему Косильщик как-то утром.

К чему он? Так, между прочим. В сущности, он хотел сказать, что завтра ему, Съевнару Складному, предстоит поединок. И этот бой будет совсем не легким. Сам Хаки Суровый хочет посмотреть, чему за полгода научился молодой воин. Он сам выставит противника, а кто это будет – узнаешь завтра.

Гуннар многозначительно покачал головой. Съевнар согласно хмыкнул, чувствуя, как в животе предательски сжалось.

Значит, его посчитали готовым! Значит, пришла пора показать свое воинское умение...

4

– Сангриль, постой! Погоди-ка... – окликнул девушку Рорик.

Впрочем, не девушку, конечно. Уже молодую женщину, вдову. Но, глядя на нее, никак не скажешь, что она была замужем.

Совсем девчонка с виду, часто думал ярл, наблюдая за ней. Впрочем, нет, не девчонка...

Прекрасная дева-валькирия! Волосы – как червонное золото, глаза – как синие озера среди горных ложбин, что не имеют дна... А ее улыбка! Серебряные колокольчики ее мелодичного смеха! Ее высокая, туго обтянутая одеждой грудь, гордый подъем белой шеи, длинные, упругие ноги, что так легко, играя, переносили ее сейчас с камня на камень через ручей...

Лишь иногда, вдруг, она как-то совсем по-детски подождет кулачки или сядет, послушно сложив на коленях ручки, или искренне, с ребяческим восторгом ахнет, радуясь новой золотой безделушке. Тогда – да, кажется, совсем девочка. Последнее время Рорик ей много всего дарил. Остальным объяснял, что жена любимого брата не должна чувствовать себя обделенной в его семье. Но это – отговорка для других. Не будешь же всем рассказывать, как он сам радуется, вручая подарки, с каким удовольствием наблюдает за блеском глаз, за ярким румянцем радости на красивом личике с чуть заметными крапинками веснушек.

Как у ребенка!

Конечно, что там ее замужество, недолго длилось... Сангриль и теперь еще шестнадцати зим не исполнилось...

Эх, Альв, Альв, брат мой...

Догоняя ее, Рорик все ускорял и ускорял ход. И все равно пришлось окликать. Быстрая она оказалась, как козочка.

– Это ты, Рорик? Откуда? – как будто удивилась Сангриль, оглянувшись.

Хотя, ярл мог бы поклясться, она давно заметила, что он следует за ней в отдалении.

– Я, Сангриль. Погоди, вместе пойдем.

– Ты тоже к хуторам борнов, ярл?

– Вот, решил пройтись... – неопределенно ответил Рорик.

Он вслед за ней начал перебираться через разлившийся, бурлящий ручей.

Весна в фиордах уже вступала в свои права. Ночами великан Виндлони еще размахивал ледяным топором, подмораживая талые лужи и остатки почерневшего снега, но днями Соль-солнце легко уничтожало его ночные труды. В его ярком, теплом, брызжущем свете фиорды оживали перезвоном ручьев и капелей и птичьим гомоном.

Хорошее время – весна! Веселое время!

Осторожно переступая с камня на камень, – летом этот ручей воробью по колено, а сейчас, видишь ты, разыгрался! – Рорик чувствовал почти юношеское нетерпение, словно он, мальчишка, стремится за своей первой женщиной.

Весна!

И правильно, что Сангриль решила сегодня навестить дом родителей, и вовремя он заметил это, отправившись вслед за ней по тропе через горы, радовался ярл.

Задумался, замечтался и получил в отместку! Камень под ногой неожиданно повернулся, на миг Рорик застыл, напряжился телом, пытаясь удержать равновесие. Но не удержался, рухнул в воду.

Ледяная вода ошпарила, блестящие брызги плеснулись в небо, а по берегу раскатился серебристый смех.

Смущенный, злой, мокрый насквозь ярл выскочил из ручья так же быстро, как стрела срывается с тетивы лука.

Вот напасть, показал свою ловкость! И это он, ярл и морской конунг, умело пробежавший по скользким веслам боевых кораблей!

– Ой, Рорик! Да ты промок весь! – подскочила к нему Сангриль. – Снимай одежду немедленно!

Он послушно скидывал с себя тяжелые мокрые вещи, а ее ловкие пальчики теребили его, помогали. И лукавая, белозубая улыбка совсем рядом, и ее пряный, такой женский запах... Рорик сам не сразу сообразил, что остался перед Сангриль совсем голым. Растирал до красноты мускулистое тело, пытаясь согреться.

А чьи это теплые, маленькие ладошки тоже с силой трут ему живот и спину?

Рорик поднял глаза. И вдруг схватил ее, с силой прижал к себе, такую теплую, мягкую, желанную. Сангриль что-то пискнула, но он уже не слушал ее, толчком опрокинул на спину, сам упал на нее. Путаясь в складках, стягивал с нее одежду, а что не поддавалось – рвал крепкими пальцами, задубевшими от работы на веслах. Сангриль, вроде бы, охала, взвизгивала, отбивалась, но он почти не слышал ее. Собственная кровь стучала в висках сильнее и громче ее тонкого голоса.

Ярл не сразу почувствовал, что ручки Сангриль уже не мешают, а, скорее, помогают ему. И ее тонкие пальчики уже крепко обхватили его вздыбленный мужской корень, ловко направили его куда-то внутрь, в мягкое, теплое, влажное...

Рорик вошел в нее быстро, яростно, проткнул своим кожаным копьем, как протыкал противников деревянным копьем. Как проткнул бы Сьевнара Складного, попадись тот ему на пути! Как проткнет когда-нибудь!..

И ярл все колол и колол копьем. И, больше не сдерживаясь, прокричал клич победы, славящий Одина Бога Ратей. И услышал в ответ ее крик, острый, пронзительный...

Крик наслаждения!

* * *

Весело горел костер, согревая теплом. И нежное женское тело, прильнувшее к нему сбоку, тоже хорошо согревало.

Рорик смотрел на огонь, следил, как приплясывают на черных углях рыжие языки пламени, и видел... Наверное, многое видел, хотя не взялся бы описать – что. Ему было спокойно, как давно уже не было.

Что ж, он обещал покойному Якобу, что месть его будет сладкой... И она была сладкой!

Взяв Сангриль один раз, обильно излив в нее семя, он встал, помог ей подняться. И смотрел на нее, обнаженную, разведя в сторону ее руки, которыми Сангриль все еще пыталась закрыться. И, к собственному удивлению, снова почувствовал волну желания. Нет, не нужны слова... Зачем они?! Схватив за плечи, Рорик снова повалил ее, перевернул на живот и вошел сзади. Опять овладел ей во славу Одина, Бога Мести! Но двигался уже не так яростно, тянул наслаждение. Любовался тонкой спиной с чуть заметным золотистым пушком, плавным, гладким расширением бедер, мял ладонями ее нежную кожу. С удовольствием слушал, как ее звонкие вскрики эхом отдаются в окрестных скалах...

Он обещал...

– И что же теперь, Рорик? – вдруг спросила Сангриль, перебивая его мысли.

– Теперь... – ярл помедлил. – Я скажу тебе, что будет теперь... Теперь ты будешь моей женой! Сегодня же вечером я объявлю всем, что жена моего покойного брата – моя жена!

– Это не всем понравится...

– Кому – не всем? – удивился Рорик.

– Ну, многим...

– Подавиться мне усмешкой Локки Коварного – кому не понравится, пусть жуют собственные зубы! Или я не ярл? Или не хозяин вод и земель Ранг-фиорда?!

– А Ингрив? Твоя жена?

– Ты тоже теперь моя жена... – Рорик осторожно, чтобы не поцарапать твердой ладонью, погладил Сангриль по мягкой спине. – И, клянусь одним глазом Одина, жена куда лучше...

– Лучше Ингрив? – она кокетливо блеснула глазами.

Рорик немного помолчал. Признался:

– Ингрив – холодная, как зимнее море. Я никогда не слышал от нее во время любовных ласк не то что крика, даже вздоха...

– Она родила тебе двух крепких сыновей, – напомнила Сангриль.

– Ничего, ты тоже родишь. Еще больше, – пообещал Рорик. Усмехнулся: – Боги – свидетели, уговорить Ингрив на то, от чего появляются дети, мужчине, наверное, не легче, чем для женщины – сами роды...

– Не знаю... Я все-таки боюсь ее, – призналась Сангриль.

– Со мной? – снова удивился Рорик. – Со мной тебе ничего не надо бояться, запомни это!

– Конечно, мой ярл... Мой владетель! Мой самый сильный, самый могучий... Когда ты берешь меня, мне кажется, что я заполнена до краев. – Сангриль крепче прижалась к нему, потерлась щекой о его плечо. – А ты подаришь мне еще что-нибудь красивое?

– Все самое красивое, что у меня есть! – растроганно пообещал Рорик.

Глава 2 Радость Богов

*Шумели весла.
Железо звенело.
Гремели щиты.
Викинги плыли.
Мчалась стремительно
Стая ладей.
Несла дружину
В открытое море*

Первая песнь о Хельги, убийце Хундинга VIII–X вв. н. э.

1

Ингвар Крепкие Объятия смотрел на Съевнара с другого края утоптанного ратного поля, и этот взгляд скальду совсем не нравился. Брови хмурятся, в глазах разгорается мутное недоумение гнева, толстые пальцы сжимаются и разжимаются на древке огромной секиры, любимого оружия силача.

Свою секиру Ингвар назвал Глитнир, что значит – Блистающая. Он, действительно, в любое время и в любом месте ухитрялся так начистить широкое лезвие, что оно сверкало не хуже полированного серебра. Она и теперь блестела, отражая солнце, словно насмешливо скалилась в лицо сопернику. Точно как живая, ехидная улыбка...

Улыбка секиры и ярость ее хозяина...

А все Гуннар Косильщик! Именно он перед этим подходил к Ингвару и что-то ему нашептывал, поглядывая в сторону ученика.

Весело поглядывал и картинно разводил руками, словно сам удивляясь тому, что сообщал. А с чего бы ему веселиться? Когда Хаки Суровый передал, что хочет посмотреть нового ратника в единоборстве, Съевнар понял, против него выставят кого-нибудь из опытных бойцов острова. Но не самого же силача Ингвара, который убил в сражениях больше людей, чем иной волос на голове вырастил!

– Что ты ему сказал? – настороженно поинтересовался Съевнар, когда Косильщик вернулся к нему.

– Сказал, что ты обещаешь обрубить ему уши так же быстро, как он трижды взмахнет секирой. Но, может быть, не станешь этого делать из уважения к его старой, больной спине и дрожащим коленям...

– Но я этого не говорил! – возмутился скальд.

– Говорил не говорил – теперь без разницы. Слово сказано – назад не воротишь, – туманно пояснил Гуннар. – Стой, воин, подожди...

Он снова направился к Ингвару и опять что-то ему втолковывал. Съевнар с тревогой наблюдал, как силач возмущенно встряхивал головой, тяжело дышал и громко сопел, слушая Гуннара. Казалось, еще немного, и он начнет рыть землю ногами и выпускать из ноздрей клубы яростного пара, как матерый вепрь при виде обкладывающих его собак.

– А сейчас что? – спросил Съевнар, когда старший брат снова вернулся к нему с самым невозмутимым видом.

– Сказал, что он со своей секирой Глитнир напоминает тебе старую бабу, ковыряющую огород деревянной лопатой, – пояснил Косильщик. – А еще ты просил ему передать, что колуном в его руках хорошо было бы рубить сучковатые пеньки, но для настоящего поединка он так же годится, как трухлявое дерево для весла. Впрочем, ты уважаешь его прошедшую славу и обещаешь не двигаться слишком быстро. Пусть ему удастся хоть пару раз скрестить секиру с твоим мечом, прежде чем ты вышибешь ее из рук.

– А он что?

– Ничего. Как видишь. По-моему, он немного расстроен от такого нахальства. Бывает, что воины задирают друг друга перед поединком, но нужно быть о двух головах, чтобы так дразнить Крепкие Объятия. Зря ты просил передать ему это.

«Немного расстроен? Это очень мягко сказано...»

– Я не просил, – безнадежно пробормотал Съевнар.

– Наверно, ты забыл попросить, – ухмыльнулся Гуннар. – Но на то и существуют друзья, чтобы догадываться самим. Я сделал это за тебя и вижу, что теперь ты будешь сражаться в полную силу.

– Он тоже будет! – с чувством ответил Съевнар.

Скальд косился на другой край поля, где Крепкие Объятия взялся разминать руки и плечи, свирепствуя с неподъемной Глитнир. Ее вес, наверное, был втрое-вчетверо больше обычных боевых топоров, использовавшихся ратниками фиордов, а лезвие – в два раза шире. В могучих руках Ингвара Глитнир в щепки разбивала многослойные деревянные щиты и прорубала крепкие кольчуги двойного-тройного плетения. Воистину, оружие – под стать его силе. Вот и сейчас воин с легкостью перекидывал ее из одной руки в другую и раскручивал над головой до низкого, свистящего звука. Выразительно поглядывал на противника, свирепо скалил зубы и дрожал ноздрями от негодования.

Силач – простоват и доверчив, он, похоже, не усомнился, что молодой Съевнар Складный насмеялся над ним. А все Гуннар!

На острове каждый знает – разозлить Ингвара не легко, подобно многим очень сильным людям Крепкие Объятия непробиваемо добродушен и охотно смеется сам над собой вместе с зубоскалами. Но если задеть его по-настоящему, то унять потом так же трудно, как остановить пригоршней горный поток, это тоже знают...

– Не сомневаюсь, – подтвердил Гуннар. – Будет! Сейчас он в таком настроении, что способен раздавить тебя, как медведь лягушку, и, клянусь всеми богами-ассами, у него хватит силы. Но – не думай об этом, воин. Пусть Ингвар силен как дикий кабан, зато тебе удалось заранее лишить его хладнокровия. Его гнев станет твоей силой.

«Кому-кому удалось? Ну, Гуннар, ну, старший брат...»

– Если он прихлопнет меня, как муху, ты будешь виноват.

– Боги простят мне эту вину, – спокойно заметил Косильщик. – Погибнуть от руки Ингвара – честь для любого, он – опытный боец, умело сочетающий медвежью силу и лисью хитрость.

Это утешение не слишком утешило.

– Так вот зачем ты его дразнил. Решил, мне пора погибнуть с честью...

– И за этим тоже, – легко согласился Косильщик.

– Спасибо тебе от всего сердца! – как можно язвительней протянул Съевнар.

Разозлить Ингвара Крепкие Объятия... А почему бы, к примеру, не плюнуть в море, вызывая на поединок могучего великана Эгира, Хозяина Глубины? Или не сразиться с Тюрор Одноруким, первым среди богов-ассов во владении оружием? Ну, Косильщик...

Съевнар не успел сказать, что думает про такую дружбу и про все его подлые нашептывания. Ярл Хаки махнул рукой, призывая бойцов сходитьсь. Крепкие Объятия двинулся

сразу, бегом, в три-четыре прыжка одолел половину площадки. Складный замешкался, и Гуннар подтолкнул его в плечо.

– Иди, воин! Покажи братьям, что я не зря возился с тобой столько времени...

Ответить скальд не успел. Лезвие секиры мелькало уже совсем близко. Сьевнар рванулся вперед. Меч лязгнул о широкое лезвие топора...

* * *

По оговоренным условиям воины дрались без щитов, но в кольчугах и шлемах. Кинжалов и другого оружия тоже не было, лишь секира против меча. Конечно, бой тренировочный, лезвия затуплены, и бойцы сражаются без намерения убить. Хотя, для тяжелой секиры Глитнир, удар которой не слабее удара кузнечного молота, не нужна никакая заточка. Пусть пополам не развалит, зато расплющит всмятку. Особенно – в руках Ингвара. И кто сказал, что силач сражается без намеренья убить? Разве мало ран и увечий случается в подобных боях, где бойцы в азарте перестают сдерживать себя? Или – не хотят сдерживаться, войдя в раж.

Против обыкновения, зрителей было не много. К ратному полю пришли только Хаки Суровый и несколько старших братьев. Наверное, на отсутствии зрителей настоял Гуннар, сообразил Сьевнар задним числом. Правильно, обычный тренировочный поединок, чего тут глазеть? Опять же, позора меньше, если что...

А если что? Нет никаких если! Нет, и не может быть! – вдруг понял скальд совершенно отчетливо. Ингвар силен и опытен, но и он опасается его быстрого, мелькающего меча.

Втянувшись в поединок, Сьевнар сам не заметил, как исчез холодок в груди, как прошлогодним снегом растаяла первоначальная скованность. Слава Ингвара, ярость Ингвара – все это стало уже не важно. Только глаза соперника, лицо, разделенное защитной стрелкой шлема, только движения рук и ног, хищное мелькание закругленного лезвия...

Тело, как будто вспомнив многочисленные уроки, двигалось словно само, поймать ритм движений оказалось легко.

Поймать – да, а вот подстроиться, навязать свой собственный ритм, как учил его Гуннар...

Несмотря на гнев, Ингвар двигался собранно, экономно, переступал коротко, не спеша, и вроде бы не торопился атаковать. Эта видимая неспешность ввела в заблуждение. Отбив мечом надвигающееся лезвие, скальд чуть присел, с ходу попытался достать соперника длинным боковым ударом. Показалось – все, уже достаёт...

И меч чуть не вылетел у него из рук. Крепкие Объятия с силой отбил удар концом топорика, мгновенно перехватил руки и, в свою очередь, рубанул так размашисто и неожиданно, что Сьевнар сам не понял, как ему удалось увернуться от сметающей секиры. Лезвие пронеслось совсем рядом, щеку будто ветром обдуло.

«Чувствовать, чувствовать...»

«Ох, чувствует, еще одна такая атака, и он останется безоружным...» – отстраненно мелькали мысли, пока тело само находило нужные выпады и повороты.

Сьевнар отпрыгнул как можно дальше, Ингвар – за ним, он еще раз увернулся и ушел вбок.

Бойцы снова закружились по ратному полю. А Крепкие Объятия опять вроде бы не торопился. Широкая секира покачивалась из стороны в сторону как голова змеи, прикидывающей, с какой стороны ужалить. И, в точности как у змеи, невозможно было понять, с какой стороны последует укус.

Он попробовал обойти силача с одного бока, с другого, но тот поворачивался легко, незаметно, всякий раз оказываясь готовым к нападению. Еще не успев толком взмахнуть мечом, Сьевнар уже видел, что меч наткнется на широкое, как щит, лезвие. И каждый раз

получалось так, что ему приходилось пробегать несколько шагов, тогда как сам Ингвар ограничивался одним движением. Изматывал соперника, не иначе. Да, Крепкие Объятия – великий воин! Опытный, расчетливый боец, предвидящий все уловки противника. Пробить его оборону – все равно что проломить кулаком каменную стену...

Еще в начале весны Гуннар забрал у Сьевнара его привычный меч с односторонней заточкой, традиционной в фиордах формы «лангсакс». Вручил другой, длиннее, тяжелее, обоюдоострый клинок «каролингского» типа. Дорогое оружие. «Бери, воин, потом сочтемся. Этот меч еще не прославил себя в боях, еще не имеет своего имени, его лишь недавно взяли из мастерской оружейника. Но, если я что-то понимаю в клинках, это хороший меч, он станет тебе надежным товарищем. К хорошему клинку нужно привыкать сразу, как учиться ездить верхом нужно на резвой лошади, а не на кляче с заплетающимися ногами. Имя ты дашь ему сам, когда опробуешь в бою, чего он стоит. И, главное, чего ты сам стоишь с этим мечом...»

Сейчас Сьевнар был рад массивному мечу с длинной рукоятью, которую, при случае, удобно схватить двумя руками. Глитнир все-таки тяжелее любого меча, длинное топище еще больше усиливает удар, а могучие руки Ингвара делают его почти неотразимым. Подставь щит – и тот разлетится в щепки. Впрочем, кто сказал, что удары нужно отражать напрямую, подставляться, как упрямое полено под топор дровосека? Самый тяжелый, самый сильный удар легко сбивается боковым движением меча, уходит в сторону, где уже не опасен.

Окончательно осмелев, Сьевнар почувствовал, что его скорость все-таки дает ему преимущество. Резкие, прямолинейные атаки Ингвара в общем-то достаточно предсказуемы, главное – уйти с линии удара, разорвать дистанцию... Вот так, например! И еще раз так!

Потом Сьевнар не мог сказать, сколько времени они кружились по ратному полю, атакуя, отбивая удары противника, меняясь местами, взрывая ногами утоптаный каменистый песок, отфыркиваясь от стекающих капель пота. Наверное, долго. Даже наверняка – долго.

Тогда он не думал о времени. Ни о чем не думал. Броски, прыжки, перебежки, хриплое, запаленное дыхание, упрямый переклест взглядов, стук сердца, лязг железа, отдающийся в ушах суровой, несмолкаемой музыкой.

Противник хрипит от усталости? Хорошо, пусть хрипит!

Или это собственный хрип отдается в ушах? Неважно, пусть отдается! Если ему тяжело, то и противнику наверняка не легче. Он, Сьевнар, моложе, быстрее, его меч легче секиры...

«Молодец, малыш, молодец! Ты хорошо сражаешься! С тобой трудно сражаться!»

Сьевнар сначала не понял, откуда пришли эти слова, почему он слышит их так отчетливо, как перестук собственного сердца. А когда понял, то удивился. Потому что это говорил ему Ингвар, тот самый, который вроде бы собирался разорвать его на куски.

И глаза у него оказывается совсем не злые – веселый, подмигивающий, одобряющий взгляд, как за дружным столом...

Именно в этот момент, запнувшись, замешкавшись в собственном удивлении, он и пропустил роковой удар. Точнее, самого удара Сьевнар не заметил, лишь почувствовал, как шлем на голове неожиданно грохнул, раскололся тяжелым металлическим звоном, рассыпался острыми, вибрирующими подголосками. И еще почувствовал, что куда-то летит, успел удивиться, почему ноги мелькают над головой. Потом все погасло перед глазами, только звон по-прежнему не смолкал. Долгий, странный, нескончаемый звук почему-то красного, обжигающе-горячего цвета...

А разве звуки имеют цвет?

* * *

– Вставай, воин! Давай руку-то... Ну, давай же, давай!

Съевнар, все еще плохо соображая, схватился за жесткую, широкую как лопата ладонь Ингвара. Почувствовал, как его легко, почти без усилия вздернули на ноги. Словно репку выдернули из рыхлой, влажной земли, мелькнуло отстраненное.

Устоять оказалось не просто, земля почему-то раскачивалась под ногами, как ладья на длинной волне. Пожалуй, Складный бы не устоял, его уже ощутимо тянуло куда-то вбок, но та же огромная ладонь ухватила его за руку у подмышки, придержала, выпрямила, оставив вращение.

Съевнар попытался встряхнуть головой, и от этого простого движения перед глазами рассыпались нестерпимо яркие, колючие звездочки. Утренняя трапеза тошнотно подступила к горлу, но, хвала богам, не выплеснулась наружу.

– Держись, воин, держись... Ну же!

– Я держусь, держусь... – пробормотал он одними губами без уверенности, что его слышат.

– Ну, вот и хорошо, вот и славно... – приговаривал Крепкие Объятия, все еще не отпуская руки. – Клянусь громовым молотом Тора, я не хотел лупить тебя с такой силой. Я вообще перестал надеяться, что достану тебя. Верткий ты, почти как Косильщик... Ну как, стоять можешь?

Он, наконец, убрал ладонь. Съевнар постоял немного, его слегка покачивало, ноги были как ватные. Нет, ничего, вроде бы может стоять. И мир перед глазами вроде бы обретает прежнюю, четкую неподвижность. Только чуть-чуть вздрагивает и расплывается...

А здорово приложил его Ингвар, будто скала рухнула прямо на голову!

– Ничего, воин, пройдет, все пройдет, – обрадованно разглагольствовал Крепкие Объятия. – Я вот тоже помню, мне однажды мачта на макушку свалилась, сломалась прямо в гнезде – и на меня... Думал потом – так и помру. И блюешь, и харкаешь, и встать не можешь. А ничего, отлежался. Ден с десятков в голове и в брюхе словно бы тролли узлы вязали, потом – ничего... Правду сказать, ты здорово сражался, будь у меня в руках обычный меч вместо большой секиры – была бы твоя победа. И когда Гуннар успел тебя так натаскать? Он ведь мне говорил – изобрази гнев, покажи свирепость, пусть парень думает, что бьется всерьез, ему – полезно... А я что, мне не трудно, раз Гуннар просит, могу и свирепость изобразить... А тут ты как кинулся на меня, как насел со своими увертками да обманками, ну, думаю, гореть старине Ингвару, как соломе в сухое лето, – словоохотливо рассказывал силач. – Думаю, изобразил на свою голову, раззадорил воина, не знаешь теперь, как унять...

– И больше он тебе ничего не говорил? – невольно заинтересовался Съевнар.

– Больше? Нет, больше – ничего. А что еще-то?

– Про отрезанные уши, про деревянную лопату, про старую бабу в огороде...

– Какие такие уши? Какие старые бабы на лопатах? – искренне недоумевал Ингвар. Задумался, морща лоб, что-то понял и покивал сам себе. – Ты вот что, Съевнар, не говори пока ничего, не стоит... Пусть оно мерещится, потом пройдет. Мне вот тоже, когда мачта на голову упала, чего только не мерещилось в лихорадке – и великаны прямо из волн вставали, и по небу летали красные топоры, и чудища невиданные зубами лязгали рядом, укусить норовили. Ничего, прошло, как отрезало... А я считаю, тебе сейчас первым делом – большую чару крепкого пива! И не одну, а лучше – одну за другой! Когда голова не на месте – нет средства вернее, я так считаю.

«Где-то он уже это слышал – про крепкое пиво от всех болезней!.. Ну, Косильщик, ну, выдумщик...»

Додумать не получилось. В голове без того молотки стучали, да еще ярл Хаки окончательно перебил мысли. Съевнар не заметил, как он подошел, как возник рядом вездесущий Гуннар со смеющимися глазами. Он понял только, что Хаки Суровый хвалит его искусное владение мечом и хвалит Гуннара, сумевшего за короткий срок сделать из молодого воина

отличного мечника. Столько времени сражаться на равных с неукротимым Ингваром и почти победить его – честь для любого опытного бойца. Для такого молодого, почти мальчишки – честь вдвойне.

Косильщик скромно пожимал плечами, замечая, что из плохого железа не выкуешь острый клинок. Сделать воина можно из того, у кого в жилах течет кровь драконов, иначе и пытаться не стоит. А по поводу Съевнара Складного он, мол, сразу понял – у этого парня талант воина ничуть не меньший, чем его поэтический дар.

В порыве чувств Гуннар хлопал ученика по спине и чуть не свалил на землю.

Съевнар был благодарен Хаки Суrowsому за похвалу. И почти перестал злиться на Косильщика за его розыгрыш. Понял старшего брата, заставившего его сражаться в полную силу и даже сверх сил. Гуннар – всегда себе на уме, ничего не делает просто так. «Как ребятню учат плавать? Берут и бросают в воду...»

2

Известно, Река Времени не останавливается никогда. Вроде бы все как всегда: день – ночь, лето – зима, весна – осень, прозрачная вода времени безостановочно несет человека от рождения к смерти. А судьба, как кормовое весло-правило, направляет в этом потоке ладью его жизни. Течение времени просто не может остановиться. Если Река Времени вдруг замедлится, как замедляются обычные реки, подернувшись льдом первых морозов – это и будет конец всего сущего.

Время сильнее всех и всего. Даже всемогущие боги, что раз за разом продлевают свои жизни молодильными яблоками, не смеют сопротивляться течению времени. Знают, когда-нибудь настанет конец их бессмертию. Наступит день, когда белые и черные силы, свет и тьма, огонь и вода сойдутся в последней схватке. И боги-ассы, и люди-воины будут сражаться плечом к плечу с черными порождениями сумеречного Утгарда, но мало кто доживет до победы. Потом в мире снова возникнет жизнь, люди расплодятся и заселят щедрый Мидгард, а в небесном Асгарде постоят себе дворцы новые хозяева – боги. Но это будут уже другие люди. И другие боги станут править новыми, неведомыми народами. Другой мир...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.